

A promotional poster for a show. It features a man with a beard and a woman with long dark hair. The man is wearing a dark blue button-down shirt, and the woman is wearing a red off-the-shoulder dress. They are standing in front of a city skyline at night, with the Burj Khalifa visible. The woman is holding a chocolate cake topped with cherries. In the top left corner, there is a graphic of a black high-heeled shoe with a red heart and a chain. The title 'Злата ЗОРИЧ' is in the top right, and 'ИЗМЕНА' is in large red letters at the bottom, with a subtitle in cursive below it.

Злата
ЗОРИЧ

ИЗМЕНА

*подаш тебе
блюдо холодным*

Злата Зорич

**Измена. Подам тебе
блюдо холодным**

«Литнет»

2026

Зорич З.

Измена. Подаю тебе блюдо холодным / З. Зорич — «Литнет»,
2026

— Ты говорила, что на сайтах знакомств нельзя найти мужа... А я вот нашла там мужа. Твоего... Подруги завидовали Руслане: все они мечтали «поймать» богатого и статусного мужчину, а удача улыбнулась только ей. Но одна фраза, сказанная за бокалом вина, разрушила иллюзию счастливой жизни. Неужели её муж может оказаться не таким уж идеальным? Соблазн, ревность, психологические игры и мастерство манипуляции — каждый шаг Русланы способен перевернуть жизнь окружающих и её собственную. Ей придётся научиться мстить так же искусно, как готовить свои шедевральные торты... История пишется в рамках литмоба «Мечь как искусство»;

© Зорич З., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Визуалы героев 1	7
Визуалы героев 2	8
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

— Ну всё, — Вера подняла свой бокал. — За последний вечер свободы!

Я тоже подняла бокал и сделала первый глоток шампанского — сегодня мы праздновали девичник Веры с поистине королевским размахом. Все уже были слегка пьяненькими — как раз такими, чтобы говорить всё, что в голову взбредёт. Или всё, что на самом деле думают.

В этот момент Алина — ещё одна часть нашей «великолепной тройки» верных подруг — вдруг облокотилась на стол, прищурилась и посмотрела прямо на меня через стекло своего бокала.

— Слушай, — протянула она, — а вот ты всегда говорила, что на сайтах знакомств нельзя найти мужа...

— Ну да, — я кивнула. — Я и сейчас так считаю. А к чему ты это говоришь? Вера же мужа не на сайте знакомств нашла...

— К тому, что я, к примеру, нашла там мужа. И довольно быстро, — продолжила Алина, посмеиваясь.

Я пожала плечами. Кажется, подруга уже напилась. Потому что она не замужем и никогда замужем не была...

— Ты нашла там кого-то? — осторожно поинтересовалась я, не понимая к чему она ведёт.

Алина усмехнулась и наклонилась ко мне через стол, поигрывая ножкой бокала между пальцами.

— Ага. Я нашла там *твоего*. Твоего мужа...

Она произнесла эту фразу и откинулась на спинку кресла с победоносным видом. Словно она только что бросила камешек — и ждала, сколько кругов он оставит на гладкой воде.

Я изо всех сил сжала большой кухонный нож в руке.

— Что ты имеешь в виду? — переспросила я холодно.

Алина прикрыла ярко-накрашенный рот наманикюренными пальчиками и наигранно сделала вид, что только что ляпнула какую-то глупость.

— Ой... Да так, ничего... Просто шутка.

Вера резко повернулась к Алине.

— Ты сейчас о чём вообще? Давай уже, договаривай... Раз уж начала говорить.

Алина накручивала блондинистый локон на палец и глупо улыбалась.

— Да ладно вам, — протянула она. — Это просто шутка. Сейчас на этих сайтах знакомств можно наткнуться на кого угодно... даже на очень богатых и влиятельных людей. Может, это вообще фейковый аккаунт? Наверняка это фейк...

Я улыбнулась ей в ответ вежливо, почти тепло. Так, как улыбаются люди, которые привыкли держать лицо в любой ситуации.

Музыка продолжала играть. Бокалы звенели. Запах просекко, сладких духов и тёплого шоколада висел в воздухе густым облаком.

— Ну что, пора разрезать? — предложила я Вере. Всё это время я стояла у стола с ножом в руке.

Мой голос прозвучал ровно. Настолько ровно, что я сама удивилась. Никто не заметил, как пальцы сжали нож так сильно, что побелели костяшки.

Подруга кивнула, соглашаясь. Это был подходящий повод, чтобы развеять неловкое молчание, повисшие после странных реплик Алины.

Я всегда любила тот момент, когда нож входит в торт. Пока разреза ещё нет, глазурь безупречна, а поверхность отражает свет, как зеркало. Лезвие же одним движением уничтожает эту безупречность. Мягко и без сопротивления скользит вниз, разделяя форму на порции. Как будто вскрываешь не десерт — а тщательно спрятанную правду.

Этот торт был особенно хорошо.

Три яруса, молочный шоколад, тонкая позолота по краю, нежные пионы из крема — такие изящные, что даже я, привыкшая к совершенству собственных работ, любовалась ими дольше обычного.

Я лично приготовила его для своей лучшей подруги Верочки.

Мы втроем — я, Вера и Алина — дружили уже пятнадцать лет и вместе прошли через многое. Вместе учились в одном художественном институте — мечтали рисовать и этим зарабатывать себе на хлеб с маслом.

Но очень скоро мои иллюзии закончились вместе с деньгами — и я начала печь торты на заказ, чтобы просто немного подзаработать. Да, может быть, художник и должен быть голодным, но в своей тотальной нищете я рисковала в прямом смысле протянуть ноги. А потом... Заказов становилось всё больше, клиенты становились всё богаче...

В итоге мои торты стали гораздо известнее моих картин. Моё имя знали многие, а мои работы заказывали за месяцы вперёд... Теперь я зарабатываю едва ли не больше, чем мой муж — крупный чиновник.

И пока лезвие мягко входило в плотный шоколадный слой, я вдруг подумала о том, как странно устроилась моя жизнь — как будто пересеклись две параллельные линии.

Я вышла замуж за того, кто всегда был бесконечно далёк от моей творческой среды — настолько, что иногда мне казалось, будто мы с ним живём в разных вселенных, даже сидя за одним обеденным столом.

Мой успех был для него как серпом по яйцам. Он никогда об этом не говорил — напротив, уверял всех и каждого, что восхищается и очень гордится успешной женой — но я знала, что ему не по душе, что его женщина работает так много, а зарабатывает ещё больше.

И вот сейчас, в этом пространстве, наполненным смехом и вином, я вдруг подумала: возможно, он действительно решил найти ту, кто будет по-настоящему им восхищаться, там, где его статус звучит убедительно. Где его оценят. Где он снова окажется главным. Где он — лакомая добыча охотниц за большим кошельком...

Визуалы героев 1

Дорогие читательницы, рада представить вам нашу очаровательную героиню!

Руслана Ветрова, 32 года
Художница по образованию, кондитер по призванию судьбы.

Руслана окончила художественную академию и мечтала о большом искусстве. Но жизнь оказалась прагматичнее мечты — из-за финансовых трудностей ей пришлось искать другой способ заработка. Так в её жизни появилась выпечка тортов — сначала как необходимость, потом как ремесло, позже — как настоящее искусство.

Со временем Руслана построила успешный кондитерский бренд, а её доходы начали превышать заработок мужа — факт, который стал первой трещиной в их браке. Второй — отсутствие детей. Эта тема слишком болезненна для них обоих...

В глазах подруг Руслана — та, кому «повезло» поймать статусного мужчину. Но мало кто знает, сколько трудностей скрыто за этой внешне красивой историей.

Визуалы героев 2

А это любимый муж главной героини

Павел Ветров, 38 лет.
Профессия: в прошлом государственный чиновник, теперь депутат.

Влюбился в Руслану, когда увидел в ней сильную и целеустремлённую женщину, но со временем эти же качества стали его напрягать. Он хотел видеть жену украшением своей жизни, а потом оказалось, что у жены есть своя жизнь... Успех Русланы стал для него настоящим испытанием: он привык быть тем, кто доминирует во всем.

Внешне Павел — образцовый муж и надёжный партнёр. Но за этим фасадом в душе у него настоящий раскол...

Глава 2

В тот момент, когда моя карьера кондитера только-только перестала напоминать отчаянные попытки не умереть с голода, я встретила его — человека, которому предстояло стать моим мужем.

Я не знала ни его статуса, ни положения. Не знала, что он относился к той категории мужчин, о которых мои подруги говорят с придыханием. Что он как раз тот, кто может позволить мне ни дня в моей жизни не работать и заниматься исключительно творчеством. Влиятельный. Богатый. Недостигаемый.

Такие не замечают женщин вроде меня. По крайней мере, мне всегда так казалось.

Они выбирают других — роскошных, статусных. Таких, чтобы можно было похвастаться перед друзьями. Высоких, тощих блондинок с бесконечными ногами.

А я...

Я была совершенно обычной.

Низкорослая брюнетка, чьи бедра и талия заметно раздались в ширь из-за необходимости постоянно дегустировать новые торты. От меня за километр пахло кондитерской ванилью, сколько не пыталась я маскировать этот аромат духами.

Поэтому я никогда даже не надеялась. Не кокетничала, не строила глазки, не тусовалась в «богатых» местах в надежде подцепить богатого. Понимала, что могу рассчитывать только на себя — и это всегда было моей суперсилой.

Поэтому, то, что случилось в тот день, я не могу назвать никак иначе — только десницей судьбы.

Я привезла торт на мероприятие.

Огромный, тяжёлый, многоярусный, которые я пекла полночи. Это был важный заказ для солидного культурного мероприятия — награждение заслуженных учителей и ещё каких-то заслуженных деятелей бюджетной сферы. Если организаторам понравится — мне могут предложить работу на других мероприятиях. А если нет...

Я еле вылезла из такси, держа тяжеленную коробку перед собой. Она полностью закрывала мне обзор — я не видела ничего дальше собственного носа. В этот момент раздался звук открывающейся двери.

Чёрный джип стоял слишком близко к такси. Удар пришёлся прямо в коробку.

Внутри неё что-то мягко и влажно хрустнуло. Я не видела, что именно случилось, но было не сложно догадаться — белые сахарные цветы, которые я лепила всю ночь, превратились в бесформенную кашу. Один ярус съехал. Крем выступил по краям. Идеальная поверхность стала неровной, повреждённой.

От осознания этого мне хотелось разрыдаться прямо там, с испорченным тортом в руках. Лучше бы эта дверь ударила меня по лбу! Мне дали такой шанс, а теперь... Теперь всё пропало.

Он вышел из машины и посмотрел сначала на повреждённую коробку, потом на меня:

— Извините. Не заметил вас. Это случайно...

Потом посмотрел внимательнее на коробку, на логотип моей мастерской.

— Это... тот самый торт? — уточнил он.

Я молчала. Потому что в этот момент могла только молчать. Иначе я бы либо разревелась, либо сказала бы что-то нецензурное.

— Чёрт... — сказал он тихо, глядя на результат своей дверной атаки. — До начала церемонии час...

И тогда я услышала собственный голос, спокойный и уверенный, в отличие от того, что творилось у меня внутри:

— Я всё исправлю. Сейчас. Но мне нужна кухня.

— Что? — он чуть прищурился. Посмотрел на меня так, как смотрят на людей, чьё обещание не заслуживает доверия.

— Кухня. Плита. И полчаса вашего времени. Я всё исправлю, но вы должны мне помочь. Потому что это наша общая проблема...

На секунду мне показалось, что сейчас он рассмеётся или пошлёт меня. Но он неожиданно кивнул.

— Идём.

Кухня оказалась крошечной и плохо оснащенной. Очевидно, в ней не было всех нужных мне мелочей. Всё располагалась не так, как я привыкла. Всё не моё. И только руки — мои. И мои знания — со мной.

— Что мне нужно делать? — он производил впечатление человека, впервые в жизни увидевшего духовку.

— Слушать меня внимательно! Во-первых, снимите пиджак. Закатайте рукава. Вымойте руки. И найдите мне пластиковую или стеклянную миску. Самую большую, которая есть.

Он нахмурился, но начал выполнять.

Дорогой, идеально сидящий пиджак — полетел на спинку стула. Он закатал рукава, обнажив запястье с часами, которые стоили, наверное, как аренда моей квартиры за целый год.

Я поставила испорченную конструкцию на стол и начала быстро разбирать повреждённые ярусы, как хирург на экстренной операции.

— Нужны яйца. Соль. Сахар. Духовка должна быть разогрета до ста восьмидесяти, — бросала я команды, не глядя на своего помощника. — Духовку включите. Нет, не эту кнопку, другую. Да, вот так.

Он искал нужную посуду. Терпеливо взбивал миксером крем. И даже обжёгся о горячий противень — и только выругался сквозь зубы, не прекращая работу.

Сначала у меня дрожали руки, но потом, осознав, что ситуация не так безнадежна, как казалась на первый взгляд, я вошла в кураж. Заново взбила крем. Слепила новые цветы. Работала так старательно, будто от этого зависела не только моя карьера — а вся моя жизнь.

В какой-то момент я почувствовала на себе его взгляд — не отрываясь, он смотрел за моей работой. Но тогда мне казалось, что он просто хочет проконтролировать процесс.

Когда я поставила торт на стол — ровный и безупречный, он восхищенно улыбнулся.

— Да вы, я вижу, настоящий мастер!

Мероприятие прошло идеально.

Когда торт вынесли в зал, я стояла за кулисами, вытирая руки о кухонное полотенце, и с удовольствием смотрела, как белоснежная конструкция, ещё час назад бывшая бесформенной массой, уверенно плывёт в центр сцены. Смотрела на восхищённые лица людей, ради которых всё это затевалось. Это всегда была моей любимой частью работы!

Заслуженные учителя — строгие, интеллигентные, уставшие — вдруг улыбались, как дети. Кто-то осторожно трогал сахарные цветы. Кто-то фотографировал.

Как только церемония закончилась, Павел подошёл ко мне.

— Вы спасли мой вечер, — сказал он. — И мою репутацию тоже.

— А вы очень хорошо взбиваете крем, — сказала я, устало собираясь домой. — Для человека, который впервые держит в руках миксер...

— Давайте поужинаем? Вы, наверное, устали и голодны.

Он был прав — у меня во рту не было ни крошки вот уже больше суток. Поэтому я не стала ломаться и сразу же согласилась — просто потому, что мне срочно нужно было поесть.

Мы остались перекусить там же — в небольшом кафе при культурном центре. Только тогда до меня начало доходить, кто он такой.

К нему то и дело подходили люди, благодарили за мероприятие и за многое другое. Обращались уважительно, по имени-отчеству.

Всё это время я думала, что он организатор мероприятий или кто-то вроде.

А он был больше. Гораздо больше. Человек системы. Власти. Решений и возможностей.

Я не могла поверить: мужчина, который час назад помогал мне взбивать крем — большой чиновник. И при этом выбирает провести этот вечер именно со мной.

Тогда я ещё не понимала, насколько судьбоносным окажется это решение.

Глава 3

Разрезав торт и получив заслуженную порцию комплиментов своему мастерству, я села в стороне, чтобы не портить виновнице торжества праздник своим унылым лицом. Настроение у меня было паршивое, и с каждой минутой оставалось всё меньше сил, чтобы это скрывать. Очевидно, что некоторые неприятные вещи лучше переваривать в тишине и одиночестве, тем более что я и так привыкла всё и всегда держать в себе

Нелепая фраза, брошенная вскользь подвыпившей подругой, уже успела впитаться в меня, как капля красного вина в белоснежную ткань. Я не стала допытываться, устраивать сцены, не стала ничего уточнять. Такие слова не требуют расшифровки. Они либо неправда — либо начало конца. И в тот момент я ещё не знала, какой из этих вариантов страшнее.

Полчаса назад я была просто уставшей женщиной после рабочего дня. Сейчас — человеком, у которого из-под ног выбили почву.

Но, возможно, мне бы даже удалось сохранить своё хрупкое душевное равновесие до конца вечеринки, если бы Алина, пошатываясь, не подошла ко мне снова.

— Ты чего тут сидишь одна?

Я пожала плечами.

— Устала. Сегодня был длинный день. И длинная неделя. И месяц... Так много заказов!

— Ну да... — она понимающе кивнула. — Торт, как всегда, огонь. Ты же у нас теперь звездочка...

Но, в противовес лестным словам, она вдруг посмотрела на меня как-то странно.

— Ты ... не обиделась на меня? — спросила она как бы невзначай.

— На что именно?

— Ну... на то, что я сказала. Про сайт знакомств. Я не хотела тебя задеть. Просто... ну ты же понимаешь, что я не могла тебе этого не сказать. Какой я была бы подругой? Я посчитала это своим долгом...

— О чём ты говоришь? — перебила я её сбивчивые рассуждения. — Ты же сказала, что это шутка?

Она наклонилась чуть ближе, и от неё пахло сладким ароматом дорогих духов и крепким алкоголем.

— Я реально видела его там. Активный профиль. Его фото. Недавно был онлайн. Я даже не поверила сначала ... пока не открыла.

Она сказала это шёпотом, но для меня эти фразы прозвучали громче грохочущей в зале музыки. А подруга, выложив мне всё это, откинулась в кресле, потряхнув белокурыми локонами. Кажется, она наслаждалась отведенной ей ролью в чужой драме.

Я посмотрела на неё в упор. И Алина вдруг отвела взгляд первой.

— Ну... может, конечно, это и фейк, — пробормотала она. — Кто-то взял его фото. И украл биографию... Всякое в жизни бывает.

В этот момент я поняла: она не собирается говорить мне правду. Она будет ходить вокруг да около, бросать намёки, смотреть на мою реакцию, получать удовольствие от контроля ситуации. Играть как кошка с мышкой.

Но я, в свою очередь, могла бы не втягиваться в эту игру. Могла просто уйти или жестко попросить её не развивать эту тему. Неужели я не доверяю собственному мужу? Неужели у меня есть основания думать, что он может меня обмануть? Он никогда не давал мне серьёзного повода, а самооценка у меня достаточно высокая, чтобы зря его не ревновать.

К тому же, если я позволю себе ревность, я просто сойду с ума за считанные дни. Вокруг него всегда вьётся так много женщин! И что я могу поделать с этим? Ровным счетом ничего! Тогда зачем зря мучить себя подозрениями?

Но проклятый червячок сомнения уже грыз меня изнутри.

— У вас же сейчас... сложности в отношениях, верно? — произнесла вдруг Алина негромко. — И... у вас не получается с ребёнком?

Я почувствовала, как внутри меня что-то дрогнуло, как будто кто-то наступил острым каблуком на любимую мозоль, но лицо осталось спокойным. Только взгляд невольно ушёл в сторону — туда, где на другом конце зала танцевала счастливая невеста.

— Ну... — я пожала плечами, — на сайте знакомств он явно не мать своему будущему ребёнку собирался искать. Так что, не думаю, что дело в этом.

Алина смотрела на меня сочувственно. Слишком сочувственно. Так смотрят не близкие друзья, а люди, которым важно увидеть, где именно у тебя болит. Она сложила идеальной формы брови домиком, и слегка наклонилась ко мне, как врач, который уже знает диагноз, но всё равно тянет кота за волыну.

— А что, у вас, получается, и с этим делом... Ну ты понимаешь каким. Тоже проблемы?

— Алина... — произнесла я негромко, стараясь не показать ярости от бестактного вопроса. — Скажи-ка мне лучше, а что *ты* делала на сайте знакомств? У тебя ведь серьёзные отношения с Виктором. Он что, всё-таки решил вернуться обратно к своей жене?

Сочувствие на её красивом личике моментально исчезло. Вместо него проступило плохо скрываемое раздражение.

— Он и не собирался от неё уходить, — отрезала она, сжимая губы. — Сволочь... Увы, не все живут в сказках про любовь, как ты. Некоторым приходится изо всех сил бороться за своё счастье.

— Понимаю, — сказала я спокойно. — Тогда странно, что ты так переживаешь за моё. У тебя разве своих проблем недостаточно?

В этот момент в моей сумочке завибрировал телефон, напоминая о том, что за пределами этой шумной залы, существует моя настоящая жизнь — где всё понятно, упорядочено, утверждено и названо своими именами.

— Малыш, я освободился. Могу прямо сейчас заехать за тобой. Или ты хочешь ещё погулять с девочками? — спросил мой муж.

— Забери меня домой, милый, — попросила я сразу. Мне так захотелось домой...

Алина смотрела на меня, не пытаясь спрятать враждебного выражение своего лица — там не осталось ни сочувствия, ни дружеской заботы, только резкая, почти детская досада. От чего? Что я сделала ей плохого?

Она резко подняла свой бокал и осушила его одним глотком, будто пыталась проглотить вместе с вином собственное разочарование. Разочарование от того, что она недостаточно больно меня задела?

Глава 4

Автомобиль мужа стоял прямо у входа, и я быстро юркнула в уютное тепло салона.

Павел повернулся ко мне — та самая тёплая улыбка, тот самый глубокий взгляд синих глаз...

— Ну что, как девичник? — спросил он легко. — Перемыли кости своим мужикам?

Я молча откинулась на кресло. Его безупречная выделка, всегда казавшаяся мне верхом комфорта, теперь ощущалась холодной, мертвой кожей.

Некоторое время Павел вел машину молча. Его профиль в свете проносящихся мимо фонарей казался мне высеченным из гранита — идеальный, властный, непроницаемый. Я смотрела на него, и впервые за много лет видела не мужа, а того, кем он был на самом деле. Влиятельный, опасный, лощеный господин депутат, который привык управлять.

— Что-то случилось? — он первым нарушил молчание. — Что-то пошло не так, как ты планировала? Мало восторгов твоему произведению искусства?

— Нет, всё так. Просто ужасно устала...

— Я тоже. Совещание затянулось до полуночи, пришлось даже водителя отпустить...

Эти слова — «отпустить водителя» — вдруг сильно меня зацепили. Раньше я бы пропустила их мимо ушей. Раньше я бы подумала: «О, какой он заботливый, дал отдохнуть человеку». Но теперь... теперь в моей голове эта фраза вспыхнула неоновым сигналом опасности.

Отпустил водителя... Зачем? Чтобы не было лишних глаз? Чтобы убрать свидетеля своего ночного свидания? Чтобы устроить это свидание прямо в салоне своего внедорожника?

— Значит, до полуночи? — мой голос был тихим, но в нем лязгнул металл. — И что же это за совещание такое, Паш?

— По региональному развитию. Ты же знаешь, перед сессией всегда аврал.

— Аврал, значит... — я горько усмехнулась. — И кто же помогал тебе его разгрести?

— Ты на что-то намекаешь? Я что-то не пойму...

— Я ни на что не намекаю. Просто расскажи мне, почему ты отпустил водителя? Почему сам решил сесть за руль поздно ночью, если ты «ужасно устал»? Тебе нужно было уединение? Чтобы никто не видел, кого ты подвозишь до дома?

— Что за бред! — возмутился муж. — Кого я, по-твоему, подвозил? Я что, подрабатываю таксистом?

Остаток пути мы провели в звенящей, удушливой тишине. Когда мы заехали в гараж, Павел заглушил мотор и бросил, не глядя на меня.

— Я сейчас сразу в душ... Надеюсь, когда я выйду, ко мне вернется моя разумная, любящая жена, а не эта фурия, которую я встретил сегодня у ресторана...

Мы вместе прошли в дом. Павел снял часы, положил их на тумбочку, достал телефон, проверил экран, и в этот момент я вдруг заметила, как быстро он его заблокировал — движение почти незаметное, но теперь я знала цену мелочам.

Он на ходу расстегнул манжеты рубашки, снял её через голову и зашёл в ванную.

Дверь за ним закрылась, почти сразу зашумела вода.

Я осталась одна в спальне — в мягком полумраке, где всё было знакомым до мельчайших деталей: плед, который я выбирала, лампа, которую мы купили в путешествии, часы на его тумбочке, лежащие параллельно краю.

И телефон.

Я смотрела на него, понимая, что там могут находиться ответы на все вопросы, которые меня так мучают.

Я никогда, ни разу за все эти годы, не брала его телефон без разрешения. Да и просто не брала.

Не было нужды. Я доверяла.

Если я сейчас это сделаю — значит, доверия между нами больше нет. А разве доверие — это не самое дорогое? Доверие — это фундамент.

Правда, фундамент нашего брака в последнее время покрылся трещинами, которые я сейчас ощущала кончиками пальцев.

Если я не возьму телефон — останусь в неведении, а неизвестность страшнее любого ответа.

Между этими двумя вариантами не было правильного.

Я протянула руку. Один клик — и я либо обрету покой, либо моя жизнь разлетится вдребезги.

— Руслана?

Голос мужа заставил меня отпрянуть от телефона. Дверь ванной приоткрылась, оттуда вырывались клубы густого пара. Паша стоял в проеме, прислонившись плечом к косяку. Капли воды стекали по его рельефной груди, запутываясь в темных волосках, а на губах играла та самая хищная полуулыбка, в которую я когда-то влюбилась.

— Не хочешь присоединиться? — его голос был низким, с той хрипотцой, которая всегда заставляла мои колени слабеть.

Я смотрела на него, и в голове билась одна-единственная мысль: увидел ли он, что я хотела сделать?

Но его взгляд был чистым, полным того тепла, которое невозможно подделать... или можно?

Я кивнула и направилась в ванную, словно в транс. Жаркий, влажный воздух мгновенно ослепил кожу. Павел притянул меня к себе, едва я переступила порог.

Моя одежда мигом оказалась на полу, и струи горячей воды обрушились на нас, смывая остатки рациональных мыслей. Его руки, большие и надежные, легли мне на талию, притягивая вплотную. Я коснулась его плеч, ощущая под пальцами твердые мышцы и скользкую от геля кожу.

Он наклонился, его губы нашли мою шею. Поцелуй был долгим, томительным. Павел умел целовать так, будто во всем мире существовала только я, будто каждое его движение было признанием в любви. Он нежно развернул меня спиной к себе, подставляя мои плечи под горячий поток, и начал медленно массировать шею. Его пальцы находили каждую точку напряжения, каждый зажим.

— Ты так напряжена, — прошептал он мне в самое ухо, и его горячее дыхание смешалось с паром. — Расслабься.

Он взял мочалку, густо вспенил её и начал медленно водить по моему телу. Пена стекала по моей коже, а его руки следовали за ней, изучая каждый изгиб, каждую родинку, словно он читал книгу, которую знал наизусть, но которой никогда не переставал восхищаться. Он точно знал, где стоит лишь коснуться кончиками пальцев, чтобы вызвать у меня стон.

Я закрыла глаза, откинула голову ему на плечо. Вода шумела, создавая иллюзию абсолютной изоляции от мира. В какой-то момент страсть вспыхнула ярче. Глаза мужа потемнели, прикосновения стали более требовательными, более жадными. Он прижал меня к кафельной плитке, и контраст между холодной стеной и его раскаленным телом выбил воздух из моих легких.

В этот миг он был весь мой. Каждая его клетка, каждый вдох принадлежали мне.

Но когда наслаждение достигло своего пика, когда я должна была раствориться в нем, во мне шевельнулось ледяное чудовище.

«А если он вот так же... точно так же... касается другой?» — мысль вонзилась в мозг, как раскалённая игла.

Эти руки, которые сейчас ласкают мои бедра... не гладили ли они сегодня днем чьи-то чужие? Эти губы, которые шепчут мое имя... не шептали ли имя чужое?

А может быть, их было много?

Павел притянул меня еще ближе, его движения стали быстрее, он уткнулся лицом в мои мокрые волосы, тяжело дыша. А я... я была там и не там одновременно. Мое тело отвечало ему, но душа стояла в стороне, в холодном полумраке спальни, глядя на черный экран телефона.

Я знала, что теперь каждое его действие я буду пропускать через фильтр сомнения. Каждый его нежный жест будет казаться мне попыткой загладить вину или, что еще хуже, просто механическим повторением того, что он делает с кем-то еще.

Когда всё закончилось, и мы просто стояли под водой, обнимая друг друга, Павел поцеловал меня в лоб и прошептал:

— Я так люблю тебя, Руслана.

Я прижалась к его груди, слушая, как выравнивается его сердцебиение.

Мысли об измене стали ядом, который уже попал в кровь. И теперь этот яд будет отравлять каждую нашу близость, каждое признание, каждый поцелуй. Он будет медленно убивать всё то прекрасное, что мы строили годами.

Пока я не докопаюсь до правды...

Глава 5

Солнечный луч бесцеремонно полоснул по глазам, заставляя окончательно вынырнуть из тяжелого, тревожного сна. Я протянула руку к левой половине кровати — но простыни были холодными. Мужа рядом уже не было. Вероятно, он уехал вершить великие дела и трудиться на благо общества еще до того, как город проснулся. На подушке остался только едва уловимый аромат его духов, которые я ему подарила.

Я медленно села, и по телу разлилась приятная усталость. Каждая мышца ныла, напоминая о вчерашнем. О той неистовой, почти отчаянной вспышке страсти под струями горячей воды. Мне так не хватало этого... Когда-то именно такая безумная страсть толкнула нас в объятия к друг другу. Именно она стала основой нашего брака. Возможно, не лучший фундамент, но это так.

Однако за последние три года наша спальня превратилась в филиал клиники репродуктивного здоровья. Наша интимная жизнь, когда-то яркая и спонтанная, была безжалостно принесена в жертву великой цели — зачатию. Секс перестал быть актом любви, он стал «проектом».

Долгие месяцы мы занимались любовью не потому, что хотели друг друга, а потому что подходящий день цикла. Секс превратился в обязанность. Павел приходил с работы измотанный, а я ждала его с надеждой, которая с каждым разом становилась всё более горькой. Романтика испарилась, вытесненная латинскими терминами и обсуждением показателей спермограммы. Мы перестали делать это просто так — каждое действие должно было вести к «результату», а если результат был невозможен по календарю, то и нежности казались лишними.

Только теперь, когда мы наконец решили взять паузу, дать себе передышку перед тем, как официально войти в протокол ЭКО, между нами снова вспыхнуло пламя.

Вчерашняя сцена в душе была спонтанной. В ней не было планирования, не было надежды на две полоски. В ней была страсть, ярость и дикое, первобытное желание доказать — себе или ему? — что я всё еще та женщина, которую он когда-то боготворил.

Я встала с кровати и подошла к зеркалу. На шее алел едва заметный след от его губ. Я коснулась его пальцами, и по спине снова побежали мурашки. Вчера я откликалась на его ласки так остро, возможно, ещё и потому что меня мучала неизвестность. Каждое мое движение было призывом: «Смотри на меня! Чувствуй меня! Неужели кто-то сможет дать тебе больше?»

Ревность сработала как мощнейший афродизиак. Она заставила мою кровь кипеть, а чувства — обостриться до предела. Но теперь, в холодном свете утра, это послевкусие страсти казалось отравленным.

Да, моё тело пело от удовольствия, но разум холодно констатировал: эта вспышка была вызвана не возвращением любви, а агонией доверия. И за ней последовал только рой новых вопросов.

Вдруг это было его попыткой затушить мои сомнения? Или, что еще страшнее, он просто продолжил игру, начатую с другой, и я стала лишь удобным объектом для завершения его эротического вечера?

Зёрна сомнения упали на благодатную почву. Я уже не чувствовала уверенности ни в чём. Наш предстоящий путь к ЭКО, наши надежды на ребенка — всё это теперь стояло на зыбком песке. Как я могу пойти на такую серьёзную и не особо, в общем-то, полезную для женского здоровья процедуру, если не уверена, что его сердце (и его тело) всё ещё принадлежит только мне?

Я силой заставила себя отогнать эти мысли. Мне тоже пора было собираться — нанести макияж, чтобы скрыть тени под глазами, и отправляться на работу. Бизнес не ждёт!

Моя кондитерская империя постоянно требовала моего непосредственного внимания — делегирование никогда не было моей сильной стороной. Сегодня должны были привезти новое оборудование из Италии, и я хотела лично его опробовать. Работа всегда была моим спасением, моим личным островком, где я забывала обо всем на свете.

Я сходила в душ, нанесла макияж, оделась. Была уже полностью готова, как вдруг поняла, что не могу найти одну из своих любимых сережек.

Я точно помнила, что снимала их вчера здесь, в темноте спальни, уже после того, как выползла на полусогнутых ногах из ванной комнаты. Обшарила тумбочку, перерыла шкатулку — пусто. Раздражение начало закипать. «Только этого не хватало», — прошипела я, опускаясь на колени, чувствуя, как дорогой шелк брюк натягивается на бедрах — в последнее время я заметно прибавила в весе. Возможно, она соскользнула на пол и закатилась под кровать?

Я протянула руку, пошарила по ворсу ковра, надеясь наткнуться на холодный металл и граненый камень, но мои пальцы коснулись чего-то мягкого. Совсем не похожего на сережку.

Наверное, это мой шелковый платок, подумала я, подтягивая находку к себе.

Мир замер. Звуки города за окном, шум проезжающих машин, тиканье дорогих часов на стене — всё исчезло. Осталась только я и этот комок ткани в моей руке.

Это был не мой платок. Это вообще была не моя вещь!

В моих пальцах оказались тончайшие, почти невесомые кружевные трусы вызывающего алого цвета. Почти прозрачные, с крошечным бантиком. Дорогое французское белье, которое покупают не для повседневной носки, а для того, чтобы его за секунду сорвал любовник.

Я смотрела на них, и мне казалось, что эта красная ткань обжигает мне кожу ладони. В голове наступила звенящая, абсолютная тишина. Мой мозг, обычно такой четкий и аналитический, отказывался обрабатывать информацию. А к горлу подкатывала тошнота.

У меня никогда не было белья такого цвета — Павел всегда говорил, что предпочитает на мне классический черный или невинный жемчужный. А я всегда выбирала вместо вульгарности удобство. Что может быть лучше мягких, бесшовных трусов?

Эти же были отвратительно вульгарными, откровенными и... совершенно неоспоримым.

Значит, это происходило прямо здесь? Прямо на нашей супружеской кровати? И она так торопилась, или он был так неосторожен, что эта улика осталась дожидаться, пока я её обнаружу?

Вспышка вчерашней страсти в душе вдруг предстала передо мной в истинном свете. Это был циничный, грязный спектакль! Он пришел домой, зная, что в спальне еще витает тень чужой женщины, и решил «перекрыть» его моим телом? Ласкал меня теми же руками, которые накануне касались обладательницы этого красного кружева? Входил в меня с той же жадностью, с которой, возможно, брал её прямо здесь?

Меня затрясло. Настоящий, крупный озноб бил тело, несмотря на тепло в комнате. Я сжала это кружево в кулаке так сильно, что ногти вонзились в ладони. Весь лоск моей жизни, все планы на ребёнка, разговоры о будущем — всё это рассыпалось в прах.

Я вспомнила, как он «много работал» в последнее время, как он не отвечал на звонки, ссылаясь на ночные совещания. А в это же самое время здесь, в нашей крепости, кружево этой девицы гладило шелк моих простыней.

Я поднялась на ноги, едва не упав от головокружения. Посмотрела на кровать. Теперь она казалась мне не местом любви, а местом преступления.

И аккуратно положила красное кружево на белоснежную подушку мужа. Прямо в центр. Чтобы это было первое, что он увидит, когда вернется домой после трудового дня.

Потом я подумала, что просто не выдержу ждать до вечера. Достала телефон и сделала снимок. Вспышка на мгновение осветила кроваво-красную ткань.

— Ну что, посмотрим, что ты скажешь на это, — прошептала я, отправляя фото в мессенджер.

Потом взяла сумку, поправила пиджак и почти выбежала из комнаты. Похоже, дело моей жизни скоро станет моей единственной опорой. Как хорошо, что я не послушала мужа, когда он настойчиво предлагал мне не работать! С чем бы я осталась сейчас?

Глава 6

Дорога расстилалась передо мной серой лентой, но я едва видела её сквозь пелену, застилавшую глаза. Вдруг телефон, небрежно брошенный на пассажирское сиденье, ожил. На экране высветилось «любимый муж», и его улыбающееся лицо на фото контакта показалось мне оскалом хищника. Я нажала на кнопку громкой связи, ожидая чего угодно: растерянности, оправданий, тяжелого молчания... Но я, кажется, недооценила своего мужа.

— Руслана, радость моя, — в динамиках раздался его беззаботный смех. — Ты что, решила устроить эротическую фотосессию прямо посреди рабочего дня? Тогда почему ты не прислала мне продолжение?

Я замерла, не в силах вымолвить ни слова.

— Алло? Ты меня слышишь? — ласково позвал он, и я буквально увидела, как он сейчас откидывается в своем кожаном кресле в кабинете, расслабляя узел галстука. — Я был сейчас на совещании по бюджету, у нас тут скука смертная, и тут мне приходит *это*. Ты когда успела такую красоту приобрести? Очень дерзко, малыш. Одобряю... Мур-р...

В его голосе не было ни капли страха, ни тени вины.

— Паша... — прошептала я еле слышно. — Ты о чем вообще?

— Ну как «о чем»? — он снова коротко рассмеялся, и в этом смехе была такая легкость, что у меня закружилась голова. — О твоём фото. Ты решила обновить гардероб? Этот красный тебе очень пойдет. Хочешь устроить мне сегодня продолжение вчерашнего душа? Я только «за»!

Я слушала его и чувствовала, как реальность начинает расслаиваться. На мгновение — всего на долю секунды — я засомневалась в собственном рассудке.

— Паша, это не моё бельё, — бросила я раздражённо. — Я нашла это под нашей кроватью. Под нашей с тобой кроватью, в нашей спальне!

На том конце провода повисла пауза. Но не та тяжелая пауза пойманного на месте преступления воришки, а недоуменное молчание человека, который столкнулся с нелепой ситуацией.

— В смысле «не твоё»? — его тон моментально сменился с игривого на озабоченный, но всё ещё пугающе спокойный. — А чьё же? Моё что ли? Если это какой-то розыгрыш, то он довольно глупый...

— Это не розыгрыш, — отрезала я холодно. — Я нашла чужое женское бельё в нашем доме! А теперь расскажи мне, дорогой, кто оставил свои вещи под моей кроватью?!

Павел вздохнул. Глубоко, по-отечески терпеливо, как вздыхают, когда объясняют ребенку, что подкроватных монстров не существует.

— Ну конечно, — он понизил голос до доверительного шепота. — Слушай, я сейчас не могу особо на такие темы говорить, у меня люди, но... Ты же помнишь, что мой отец жил у нас пару дней, пока ты была в отъезде?

— Отец? — переспросила я. — При чем здесь твой отец?

— При том, что он старый дурак, — в голосе Павла прорезалось раздражение. — У него опять этот период... «седина в бороду — бес в ребро». И он, видимо, решил воспользоваться пустующим домом и привел свою новую пассию. Он устроил в гостевой ванной бардак, но я и подумать не мог, что они добрались до нашей спальни!

Я слушала всё это, и во мне боролись два чувства: дикое желание поверить, потому что так было проще, и ледяная уверенность, что меня сейчас виртуозно «разводят».

— Ты хочешь сказать, — я старалась, чтобы мой голос не дрожал, — что твой отец, уважаемый человек, привел женщину в нашу кровать и она там... «потеряла» бельё? Ты серьёзно?

Виктор Петрович — монументальный старик, воплощение советской строгости. Да, у него были свои слабости, но чтобы вот так? В нашей спальне? В нашей постели?

— Я был на работе до ночи, Руслана! — его голос стал жестким. — Я приехал, когда он уже спал в гостевой. Я понятия не имею, что они там вытворяли. И я обязательно с ним сегодня же поговорю. А ты... Бедная ты моя... Ты там, наверное, уже черт знает что себе напридумывала?

Он снова «замурчал», но теперь это было сочувственное, обволакивающее мурлыканье.

— Езжай в офис, родная. Не забивай свою прекрасную голову. Вечером я с ним разберусь, и мы выкинем эту дрянь вместе. Я люблю тебя. Слышишь?

Он отключился. В салоне воцарилась тишина, нарушаемая только моим прерывистым дыханием. Я смотрела на телефон и понимала: либо он говорит чистую правду, либо он — величайший лжец в истории человечества. Свалить вину на отца, на слабости пожилого человека... это было так подло и так... удобно.

Павел знает, что для меня уважение к родителям — не пустой звук. Представить, что я звоню этому седовласому, уважаемому человеку и спрашиваю: «Виктор Петрович, а это, случайно, не ваша ли любовница забыла свои красные трусы в нашей с Пашей спальне?» — было невозможно. Это за гранью моего воспитания, и Паша это знал. Он воздвиг между мной и правдой бетонную стену из приличий и семейной иерархии.

Но если он не лжет и это действительно «грехи отца»? Значит ли это, что «кабелизм» у них в крови? Что он передается по наследству вместе с их прочими фамильными чертами? Если Павел видел, как отец годами обманывает мать, если он рос в атмосфере, где мужские «похождения» считались нормой, то чего я жду от него? Что он станет исключением?

Я чувствовала себя загнанной в угол. Если я поверю ему — я признаю себя дурой, которой можно скормить любую, даже самую нелепую ложь. Если не поверю — мне придется разрушить наше общее будущее...

Какая из этих версий хуже? Я не знала.

Паша думал, что запер меня в клетке моих собственных приличий, что его статус и авторитет его отца станут для меня непреодолимым барьером. Но в своей самоуверенности, в своем упоении собственной неуязвимостью, он забыл об одной крошечной, но фатальной детали.

Камеры.

Наш дом был напичкан ими. Современная система безопасности, которую он сам же и настоял установить полгода назад после того, как ему начали поступать анонимные угрозы. «Для твоего спокойствия, дорогая», — говорил он тогда, нежно целуя меня в макушку. Теперь это «спокойствие» превратилось в заряженный пистолет, приставленный к его виску.

Мои мысли переключились на техническую сторону. Камеры должны были зафиксировать каждое движение у ворот, каждый вход в дом. Если там была женщина — камера на террасе или у главного входа обязательно сняла её лицо. Или хотя бы номер машины.

А камеры внутри? В холле? На лестнице?

Я зажмурилась, представляя, как смотрю это «кино». Как вижу его, моего идеального мужа, который заводит в наш дом — в мой дом! — чужую женщину. Как они целуются там, где мы обычно пьем утренний кофе. Как он ведет её наверх...

Я чувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

Вдруг телефон в моей руке снова ожил. На дисплее высветился незнакомый номер — длинная череда цифр, не занесенная в мою телефонную книгу. Я нажала на кнопку приема и прижала трубку к уху.

— Аллю?

— Руслана Игоревна? — раздался в трубке мужской голос.

Это был глубокий, бархатный баритон, обволакивающий и странно чарующий.

— Да, это я. Кто это? — я старалась придать голосу твердости.

— Мое имя вам сейчас ничего не скажет, — продолжил незнакомец. — Но вы мне очень нужны сейчас.

Глава 7

Голос в трубке был как выдержанный коньяк: тягучий, темный, обволакивающий. Он не просто говорил, он заполнял собой всё пространство, вытесняя из моих мыслей и красное кружево, и лживое «мурлыканье» Павла.

— Если я вам так нужна, тогда может вам лучше представиться? — строго предложила я.

— Считайте меня вашим самым преданным поклонником, Руслана Игоревна, — в его голосе послышалась едва уловимая улыбка. — В профессиональном плане, разумеется. Я давно и с глубоким восхищением слежу за вашим творчеством. То, что вы делаете с десертами... это уровень, который кажется абсолютно недостижимым.

— А откуда у вас мой личный номер? — я всё ещё была насторожена. — И чего вы хотели от меня?

— Я хотел сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться, — его бархатный баритон стал чуть серьезнее. — Я предлагаю вам работу. Очень деликатную, очень высокооплачиваемую и абсолютно конфиденциальную. Один мой очень важный бизнес-партнер — человек очень влиятельный и, прямо скажем, капризный — готовится к дню рождения жены. Это шейх Аль-Мактум. Он видел в этой жизни всё. Его невозможно удивить золотыми слитками или редкими скакунами. Но его можно удивить совершенством. А совершенство — это вы.

— То есть вы хотите... — пробормотала я, не веря, что мне на полном серьёзе предлагают испечь торт для шейха. — Это что, шутка какая-то? Розыгрыш?

— Какие шутки, Руслана? Кстати, могу я вас так называть? Меня зовут Дамир, к слову. Ваша задача — создать шедевр, который станет легендой. Вы будете обеспечены лучшими ингредиентами мира и любым необходимым вам оборудованием. Любому творческому человеку нужен масштаб, а Москва в это время года слишком тесная. В Дубае сейчас солнце, море и полная свобода действий. Все ингредиенты, любая кухня, помощники — всё будет предоставлено. Вам нужно только ваше мастерство. Разумеется, это достойно оплачивается...

И он назвал такую сумму, от которой у меня брови поползли вверх.

— В Шереметьево вас будет ждать частный джет. Мои люди уже готовят документы и всё необходимое. Вам нужно просто сказать «да».

Я смотрела в лобовое стекло на бесконечную московскую пробку. Внутри меня всё еще ныла та рана, которую нанес Павел своим враньем (или не враньем.. я уже ничего не понимала!) про отца. Мысль о том, чтобы оказаться за тысячи километров от дома, вдруг показалась мне привлекательной.

— Почему я? В мире тысячи кондитеров, — я всё еще пыталась найти подвох.

— Потому что я пробовал ваш «Черный лес» на закрытом приеме в прошлом месяце. И я знаю, что за этим вкусом стоит перфекционист. Мне нужен человек, который не умеет делать «просто нормально». Мне нужно совершенство.

Он замолчал, давая мне возможность переварить услышанное. Это не было похоже на дешевый подкат или игру. Это было реальное предложение, деловое и конкретное, возникшее из ниоткуда именно в тот момент, когда мой мир превратился в руины.

— Все детали по контракту я вышлю вам в мессенджер прямо сейчас. Посмотрите на цифры, Руслана. Думаю, они вам понравятся так же, как мне ваши десерты.

— Я... мне нужно подумать, — выдохнула я.

— Вылет на следующей неделе...

— На следующей неделе? — я переспросила, пытаясь заставить свой мозг переключиться с «жены-детектива» на «владелицу бизнеса». — Дамир, это... это очень неожиданно. У меня

сейчас в Москве, скажем так, не самый спокойный период. Дела, которые требуют моего личного присутствия...

Я слушаю. Дела требовали не моего присутствия, а моей бдительности. Оставить Павла сейчас, когда я нашла под кроватью эту красную улику — значило дать ему карт-бланш. Дать ему возможность замести следы.

— Я понимаю, что у таких людей, как вы, график расписан на годы вперед, — голос Дамира звучал мягко, но в нем чувствовался нажим. — Но поверьте, этот заказ — не просто работа. Это высшая лига. Такого уровня референсов в вашем портфолио еще не было.

Я вздохнула, потирая виски. Он был прав, абсолютно прав. Но от этого не легче.

— Послушайте, Дамир. У меня есть команда. Три шеф-кондитера, которых я обучала лично. Они знают мои технологии до мельчайших нюансов. Они могут вылететь в Дубай хоть завтра, я дам им все эскизы, буду на связи 24/7 по видеосвязи. Результат будет идеальным, я гарантирую это своим именем.

— Нет, — отрезал он. — Мне не нужны ваши ученики.

— Но это же просто торт... — начала было я, но сама осеклась. В моем мире «просто тортов» не существовало.

— Для кого-то — просто торт, но не для меня, и не для вас. Руслана, я настаиваю. Только вы. Лично.

Я замолчала. Одна моя часть — требовала остаться дома и дожать Павла, попытаться всё выяснить, поймать его за руку. Другая часть — понимала, что такой шанс выпадает раз в жизни. Этот заказ мог вывести меня на международный уровень.

— Мне нужно время, чтобы уладить кое-какие... семейные вопросы, — выдавила я из себя.

— У вас есть неделя, — голос Дамира снова стал теплым. — Думаю, этого достаточно. Подумайте о том, что через неделю вы будете стоять на террасе с видом на Бурдж-Халифа, занимаясь тем, что вы по-настоящему любите, вместо того чтобы дышать московским смогом и... чем там еще сейчас забит ваш воздух?

Эта фраза про воздух задела меня. Он словно чувствовал, что я задыхаюсь в собственной спальне.

Но как я могу улететь, зная, что за моей спиной муж, возможно, будет приводить в наш дом ту самую, в красном кружеве?

Поток машин вокруг стал плотнее, агрессивнее. Кто-то наглый на немецком внедорожнике подрезал меня, заставив резко крутануть руль. Визг тормозов и резкий гудок соседа справа привели меня в чувство. Это была идеальная зацепка, чтобы сбежать из этого разговора.

— Извините, но ситуация на дороге становится... напряженной. Мне нужно сосредоточиться на вождении. К тому же... я физически не могу дать ответ прямо сейчас.

— Понимаю, Руслана. Творческий процесс не терпит суеты, а бизнес — тем более. Я буду ждать вашего «да». Хорошей дороги.

— До связи, — бросила я и, не дожидаясь его ответа, коснулась сенсора отбоя.

Я выдохнула, чувствуя, как немеют пальцы, слишком сильно сжимавшие трубку. Хотела положить телефон на соседнее сиденье, но в этот момент машина впереди резко затормозила. Я ударила по педали, телефон скользнул по гладкой коже кресла и нырнул вниз — в узкую щель между водительским сиденьем и центральной консолью.

— Черт! — вскрикнула я, шаря рукой, пока машина продолжала катиться в пробке.

Холодный металл, какие-то крошки, ворс... И вот — скользкий корпус телефона. Я уже почти вытянула его, когда мои пальцы зацепили что-то еще. Тонкий, сухой клочок бумаги.

Я вытащила и телефон, и этот бумажный комочек. Это был чек из ЦУМа на женский парфюм от одного из нишевых брендов, чьи флаконы стоят как небольшое состояние. Тяжелый,

провокационный аромат с нотами амбры, туберозы и кожи. Я знала этот запах — он был агрессивным, хищным, полной противоположностью моим нежным цветочным духам.

Откуда он здесь взялся?

Глава 8

Я припарковала машину у входа в свой офис, но еще несколько минут просто сидела, вцепившись в руль. Перед глазами стоял этот клочок термобумаги, который теперь жег мне карман пиджака.

Спустя несколько минут я всё-таки собралась с силами и вышла из машины, стараясь придать походке привычную уверенность. Мои сотрудники привыкли видеть во мне скалу, но сегодня эта скала, увы, была иссечена глубокими трещинами.

— Доброе утро, Руслана Игоревна! — радостно поприветствовала меня администратор Женя, когда я вошла в холл, пропитанный густым ароматом ванили.

Обычно этот запах — запах моего успеха, моего детища — успокаивал меня. Но сегодня он казался чересчур приторным, навязчивым. В носу стоял другой, воображаемый аромат — тот самый, из чека. Тяжелая, душная тубероза. Запах той, ради которой Павел готов рисковать репутацией и врать собственной жене.

Я закрылась в кабинете и бросила сумку на диван. Достала чек. Снова разгладила его на полированной поверхности стола.

Я представила, как мой муж выбирал его, возможно, даже улыбался, представляя, как этот аромат раскроется на её шее. На той самой шее, чья обладательница потом оставит трусы под нашей кроватью. Картина маслом: он покупает этот флакон, забирает её, они едут в наш дом, он дарит ей эти духи, и они... занимаются этим на моих простынях, пока аромат туберозы заполняет нашу спальню.

Но вместе с этими картинками мой мозг вдруг начал лихорадочно выстраивать баррикады защиты. У Павла множество знакомых и коллег. Может, это подарок для его пресс-секретаря? Или для жены какого-нибудь коллеги? В конце концов, у него есть мать, сестры, племянницы. Мало ли кому он мог купить в подарок духи?

— Ты просто истеричка, Руслана, — прошипела я своему отражению в темном экране монитора. — Чек ничего не доказывает. Это просто бумага.

Я достала из сумки пудреницу и нанесла толстый слой пудры, чтобы скрыть красные пятна волнения на лице, пригладила волосы. Чек отправился в потайной карман кошелька.

Маска деловой женщины возвращалась на моё лицо, скрывая под собой руины моей личной жизни.

И очень вовремя, потому что через минуту дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Лена, моя верная помощница. Она замерла, заметив мой растрепанный вид и лихорадочный блеск в глазах, но, будучи профессионалом до мозга костей, сделала вид, что ничего необычного не происходит. В руках она держала тяжелую папку.

— Руслана Игоревна, — тихо произнесла она, проходя к столу. — Пришли документы от нового заказчика. Он сказал, что сегодня уже переговорил с вами... Просил передать лично в руки.

— Спасибо, Лена. Оставь, я ознакомлюсь.

Масштаб заказа поражал. Это была не просто выпечка, это была инженерная задача, арт-объект: три яруса, использование съедобного золота 24 карата, редчайший шоколад, который производят ограниченными партиями в Швейцарии.

Я перевернула страницу и увидела эскизы локации в Дубае. Огромная квартира, бело-снежные террасы, кухня, оснащенная по последнему слову техники. И где-то там, среди этого блеска, мне предстояло творить.

Я отложила папку в сторону, подвинула к себе ноутбук и решительно ввела его имя в поисковую строку. Если нам предстоит работать вместе, то я должна хотя бы приблизительно понимать, что это вообще за человек.

Экран мигнул, выдавая тысячи ссылок, поэтому я открыла первую попавшуюся. С фотографии на меня смотрел мужчина, который на миг заставил меня забыть о проклятом чеке. Мой таинственный заказчик — Дамир Сафин.

Ему было около сорока, и он был вызывающе хорош собой. Красота его была хищной, породистой: жесткая линия подбородка, резкие скулы, чуть прищуренные, глубокие темные глаза, широкие плечи. Вот он на благотворительном вечере в Лондоне. Вот — на открытии новой галереи в Абу-Даби.

Оторвавшись от созерцания его фотографий, я мельком пробежала глазами по краткой биографии — Дамир был сыном одного из олигархов «первой волны», но в отличие от типичных «золотых деток», не стал прожигателем наследства. Он взял отцовский фундамент и выстроил на нем собственную империю. Его бизнес-интересы охватывали многое: от добычи нефти до постройки небоскребов.

И этот мужчина звонил мне? Мой мозг отказывался верить, что человек такого масштаба может заинтересоваться моим творчеством. Да и торты обычно заказывают помощники, а не сам владелец нефтяных вышек.

— Значит, «главный фанат», — прошептала я, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

Зачем такому, как он, понадобилась такая, как я? В мире сотни известных кондитеров, которые сочли бы за честь работать на него.

За годы брака с Павлом я научилась безошибочно определять, что за человек передо мной. На приемах, где я неизменно играла роль идеальной жены, меня окружали «тяжеловесы» всех мастей: лоснящиеся чиновники, шумные бизнесмены и неприметные «решалы». Многие из них потом становились моими клиентами — они заказывали торты высотой в человеческий рост, чтобы впечатлить партнеров, и платили, не глядя в счет. Я привыкла к их манерам, к их специфическому юмору и к тому, как они смотрят на мир — как на что-то, что принадлежит им.

Но Дамир Сафин... Это была птица другого полета.

Паника от возможной измены мужа, которая еще десять минут назад заставляла меня рвать на себе волосы, вдруг сменилась странным, вибрирующим напряжением. Я чувствовала себя так, словно из тесного, душного чулана меня внезапно вытолкнули на огромную арену под свет прожекторов. Если Сафин — мой «главный фанат», то ставки в этой игре стали выше, чем я могла себе вообразить.

Я медленно закрыла ноутбук. В кабинете стало тихо, только часы на стене отсчитывали секунды до того момента, когда мне всё-таки придется принять окончательное решение.

Глава 9

— Руслана Игоревна... — в кабинет осторожно заглянула администратор Женя. — Вам передали цветы...

Она вошла, неся в руках огромный букет лилий, настолько крупных и белый, что они казались не живыми, а вырезанным из какого-то плотного, воскового материала. С мясистыми лепестками и рыжей пыльцой, которая оседала на всем вокруг. Между лилиями затесались гиацинты, фиолетовые, почти черные.

Я сразу узнала этот запах, который ворвался в кабинет раньше, чем сама композиция. Тяжёлый. Сладкий. Удушающий.

Он накрыл меня своей удушливой волной, и я невольно откинулась на спинку кресла, чувствуя, как в носу начинает щипать, а в висках — медленно и неприятно пульсировать.

— Кто передал? — спросила я, прикрывая нос рукой.

Администратор пожала плечами.

— Курьер. Сказал: «Отдать только лично в руки».

Она поставила букет на край стола и сразу же сделала шаг назад — даже она, человек без аллергии, инстинктивно отстранилась от этого запаха, будто от чего-то небезопасного.

— Женя, уберите... — я отшатнулась. — Пожалуйста, вынесите их из кабинета сейчас же!

Женя, испугавшись моей реакции, заметив, как на моей шее начали расцветать алые пятна, метнулась вперед, перехватила букет и почти бегом вынесла его обратно в холл, оставив за собой шлейф этого тяжелого, липкого запаха. Я в свою очередь ринулась к окну, распахнула его настежь, жадно втягивая холодный воздух, как человек, которого только что вытащили из воды. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы снова почувствовать себя внутри собственного тела, после чего я сразу же потянулась к ящику стола за антигистаминными.

И именно тогда заметила конверт, который выпал из букета — плотный, матовый, без маркировок. Взяла его и торопливо вскрыла.

Внутри была фотография.

Две фигуры со спины. Мужчина и женщина.

Мужчина — широкоплечий, в тёмном пиджаке. Женщина — с изящной открытой шеей. Её длинные светлые волосы спадали на спину мягкой волной. Их позы были слишком расслабленными для деловой встречи. Слишком близкими. Слишком... привычными.

Кадр был сделан исподтишка. Лиц не было видно. Все размыто, нечетко, но именно это делало снимок особенно мерзким — он не давал зацепиться за детали, не позволял уличить, зато щедро сеял подозрения.

Павел — я узнала его сразу, по посадке головы, по знакомой привычке слегка наклоняться вперед, когда он слушает. Он сидел в ресторане. Рядом — женщина.

Под фотографией — всего две строчки, напечатанные безликим шрифтом:

«Оглянись. Тебя обманывают»

Я бросила фотографию на стол.

Было очевидно одно: кто-то специально прислал мне отравляющие цветы с отравляющей мое сердце фотографией. Это была атака. Точная, продуманная, с учетом моей слабости. Кто-то точно знал, какие цветы я не переношу. Кто-то хотел, чтобы мне стало плохо — не только морально, но и физически.

— Женя, — я торопливо вышла в холл, — а как выглядел курьер?

Она удивленно приподняла брови.

— Обычный... Куртка темная, рюкзак. Я не всматривалась, если честно.

— А рост? Возраст? Борода была? Кепка?

Женя смотрела на меня всё более настороженно.

— Руслана Игоревна, он просто отдал букет и ушёл. Я даже имя не спросила.

А я вдруг поняла, что просто не могу стоять на месте и выскочила из офиса на улицу. Там я остановилась как вкопанная, не зная куда бежать. Крутила головой, всматриваясь в лица прохожих, в спины, в силуэты, пытаюсь ухватиться хоть за что-то. Но мне не за что было хвататься... Я обежала здание, заглянула за угол, сделала несколько шагов в сторону парковки — и остановилась.

Поняла, наконец, насколько нелепо выгляжу со стороны. Взрослая, успешная женщина, владелица бизнеса, бежит за призраками, выдуманными образами, цепляясь за обрывки страха.

«Ты сходишь с ума, Руслана», — сказала я самой себе, чувствуя, как к горлу подступает горечь.

Где-то глубоко внутри я понимала: кто бы это ни был, он именно этого и добивался. Чтобы я металась. Чтобы сомневалась. Чтобы перестала доверять самой себе. Себе и мужу...

Я собралась с силами и с непроницаемым лицом, под настороженными взглядами администратора Жени и помощницы Лены, прошествовала в кабинет. Почти сразу же задребезжал мой телефон, и экран вспыхнул именем лучшей подруги.

— Ты же помнишь, что завтра у меня свадьба? — Вера перешла сразу к делу.

Вопрос застал меня врасплох. Я на секунду растерялась, словно меня выдернули из густого, вязкого сна на яркий свет. С удивлением я обнаружила, что в моей голове на завтра не было ничего, кроме пустоты и тревожного гула.

— Конечно... — сказала я как можно увереннее.

Но на том конце провода раздался смех.

— Я так и знала, — сказала Вера. — Ты как всегда вся в делах, в своих проектах, в вечной гонке... Поэтому и звоню напомнить, пока ты окончательно не выпала из реальности.

— Да нет, — ответила я задумчиво, — я не в делах...

Я посмотрела на закрытый конверт, лежащий рядом с ноутбуком, на открытое окно, в которое все еще тянуло остатками того зловещего запаха, и вдруг отчетливо почувствовала, насколько далеко я сейчас от любых дел, сроков и контрактов.

Я была где угодно, только не там, где должна была быть.

— Руслана, — сказала Вера уже другим тоном. — С тобой что-то не так. Я же слышу. У тебя голос... ты будто не здесь.

— Вер, это вообще последнее, о чем мы с тобой должны сейчас говорить... У тебя завтра свадьба. Ты должна думать о себе, о платье, о гостях, а не обо мне и моих... — я запнулась, не желая подбирать слова, которые все равно прозвучали бы фальшиво, — о моем состоянии.

На том конце повисла короткая пауза, а потом она вздохнула.

— Вот именно поэтому я и прошу тебя поделиться, — сказала Вера. — Я ужасно нервничаю, Рус. Ужасно. Меня трясет так, что я уже ничего не соображаю. И если я сейчас начну в десятый раз думать о рассадке гостей или о том, не перекосятся ли торт, то просто сойду с ума.

— О торте можешь не беспокоиться! В чём-чём, а в нём ты можешь быть абсолютно уверена!

Она усмехнулась, но в этом смехе не было её привычной легкости.

— А ты со своими проблемами, какими бы они ни были, — продолжила она мягче, — это идеальный способ отвлечься. Так что давай, приезжай ко мне. Прямо сейчас, если можешь.

— Вер, я не хочу портить тебе настроение, — начала я, но она перебила.

— Ты мне ничего не портишь. Я уже испортила себе всё собственными нервами! А если ты приедешь, то я буду думать не о том, правильно ли выбрала мужчину для брака, а о том, что у тебя происходит. Это, поверь, гораздо безопаснее. Просто побудь со мной, — добавила она уже тише. — Мне сейчас очень нужно, чтобы рядом кто-то был ...

Я медленно выдохнула, ощущая, как напряжение, сковывавшее грудь, чуть ослабло. Может быть, впервые за последние сутки.

— Хорошо, — сказала я наконец. — Я приеду.

Глава 10

Дорога к подруге пролетела как в тумане. Я вела машину на автопилоте, а перед глазами стоял тот самый размытый снимок и белые восковые лепестки лилий. Их явно прислал кто-то, кто знал меня слишком хорошо. Знал, что от этого запаха у меня темнеет в глазах и кожа покрывается пунцовыми пятнами. Но кто это мог быть?

Квартира Веры встретила меня хаосом, который обычно предшествует большим торжествам. Повсюду висели чехлы с одеждой, на диване громоздились коробки с туфлями, а в воздухе стоял густой аромат кофе и лака для волос.

— Слава богу, ты приехала! — Вера выскочила в прихожую, едва я переступила порог, и в её глазах мелькнуло не то облегчение, не то жадное любопытство.

Она выглядела именно так, как положено выглядеть невесте за сутки до свадьбы: взбужденная, напряжённая, суетливая. Её лицо было наполовину покрыто макияжем, а на голове возвышалась сложная конструкция из локонов, которую она безжалостно терзала пальцами.

— Нет, это не «голливудская волна», это какой-то стог сена! — почти вскрикнула она, глядя на свое отражение. — Девочки, ну мы же договаривались — мягкие линии! И стрелка... почему она тянет глаз вниз? Я похожа на грустную панду!

Измученные придирками стилист и визажист обменялись обреченными взглядами. А Вера резко повернулась к мастерам.

— Девочки, идите покурите, выпейте кофе, подышите... Мне нужно поговорить с подругой. Перерыв!

Когда за мастерами закрылась дверь, Вера тут же сдулась, словно проколотый шарик. Она схватила меня за руки и усадила на диван, заваленный какими-то чехлами.

— Так, а тебе я сейчас налью что-нибудь покрепче кофе, потому что ты выглядишь так, будто только что увидела привидение.

Пока Вера суетилась у барной стойки, доставая бокалы, я прикрыла глаза. Здесь, в этой суете, мне на мгновение показалось, что весь этот кошмар с Павлом — просто плод моего воображения.

— Держи, — Вера поставила передо мной бокал белого вина. — А теперь выкладывай. Всё по порядку, — приказала она, впиваясь в меня взглядом. — Я чувствую, что у тебя там не просто «проблемы», а настоящая катастрофа. Начинай с самого начала.

Я сделала глоток, чувствуя, как холодная жидкость обжигает горло. И меня прорвало.

— Всё началось с Алины. Помнишь тогда, на девичнике? Мы пили просекко, и она вдруг, как бы между прочим, брякнула, что видела моего Пашу на сайте знакомств. Потом сказала, что пошутила, позже выяснилось, что всё-таки не пошутила, но никаких подробностей я так от неё так и не дождалась...

Вера кивнула, не сводя с меня глаз.

— Я решила, что не стоит придавать большого значения её словам. У нас с Пашей всё хорошо, никаких косяков за ним замечено не было. Но сегодня... сегодня утром, в нашей спальне, прямо под кроватью, я нашла чьи-то трусы.

Подруга прыснула, но сразу же постаралась сделать серьёзное лицо.

— Извини... это не смешно, правда. Продолжай!

— Паша выдал совершенно дикую историю про отца, — я продолжила. — Сказал, что это он якобы приводил женщину, пока нас не было...

— Блестящее оправдание, — саркастично заметила Вера. — Классика жанра.

— Я почти поверила, — горько усмехнулась я. — Но потом... позвонил клиент, предложил очень интересный контракт... Я так разнервничалась, что в пробке у меня телефон

выскользнул из рук и провалился между кресел. Пытаясь его достать, я наткнулась на смятый чек.

Я рассказала ей и про удушающие лилии, от которых у меня случился приступ аллергии, и про анонимное фото в конверте — Паша в ресторане с блондинкой. Я говорила и говорила, а Вера слушала, замерев с бокалом в руке. Её лицо выражало смесь ужаса и сочувствия.

— О господи, Руслана... — прошептала она, когда я наконец замолчала. — Лилии? Это же просто покушение! Кто мог пойти на такую низость?

— Не знаю, Вер. Но этот человек явно очень хочет чем-то мне насолить.

— Или хочет, чтобы ты наконец открыла глаза, — Вера пересела поближе и положила свою ладонь на мою. Её рука была теплой, но я вдруг почувствовала легкий укол беспокойства.

— У тебя новый парфюм? — спросила я внезапно.

Вера на секунду замерла, её пальцы дрогнули. Она быстро убрала руку и коснулась своей шеи, словно проверяя, остался ли там шлейф аромата.

— А... это? — она принужденно рассмеялась. — Да, вчера купила. Решила, что на свадьбе от меня должно пахнуть чем-то особенным, роковым. Тебе не нравится? Слишком тяжелый?

— Необычно для тебя... Ты же всегда любила что-то легкое, цитрусовое.

— Ну, замуж выходишь не каждый день! Кстати, хотела спросить... — Вера подалась вперед, и её лицо, наполовину накрашенное, выглядело пугающе серьезным. — Ты трусы-то те сфоткала? Дай-ка посмотреть. И сама посмотри внимательно.

Она увеличила снимок на моем телефоне.

— Они же идеально чистые, и, кажется, даже выглаженные. Если бы их в спешке забыли под кроватью после секса, они бы выглядели иначе. А тут... Их словно специально туда положили. Чтобы ты точно их нашла.

Я похолодела.

— Хочешь сказать, их кто-то подобрал?

— Кто-то? — Вера всплеснула руками. — Да это любовница! Она специально оставила эти «метки». Чек в машине, трусы под кроватью, анонимные фото... Она хочет, чтобы ты всё узнала! У них там, видимо, всё настолько серьезно, что она уже не боится идти в открытую. Ей надоело быть на вторых ролях, надоело ждать его в отелях. Павел, как типичный мужчина, мнётся, а она уже метит на твое место!

Слова Веры ложились на мои подозрения, как идеально подогнанные детали пазла.

«Она хочет, чтобы я узнала».

«У них всё серьезно».

Я смотрела на свою подругу, на этот свадебный хаос вокруг, и чувствовала, как внутри меня что-то окончательно умирает. Мой дом, моя любовь, моя безопасность — всё это было отравлено запахом туберозы и чужим холодным расчетом.

А Вера... Она выглядела такой уверенной, такой понимающей. Она так ловко расставляла акценты в моей трагедии, что у меня не оставалось пространства для маневра. Только боль и осознание того, что меня планомерно выживают из собственной жизни.

Но где-то на задворках сознания, под слоем этой вязкой боли, шевельнулась странная мысль. Откуда в ней эта уверенность? Откуда ей знать о мотивах «той женщины»?

— Что мне делать, Вер? — прошептала я. — Ты думаешь, он... он любит её?

Подруга снова взяла меня за руку, и на этот раз её хватка показалась мне железной.

— Тебе нельзя сейчас раскисать. Ты понимаешь, что, если ты устроишь ему сцену, она победит? Она только и ждет твоего срыва! Уже, наверное, приготовила для него уютное гнездышко, где будет его «утешать» после твоих истерик...

— Так какой план? — я окончательно растерялась.

— Уйти в работу, вот какой план! — торжествующе предложила мне Вера. — Ты сказала, что у тебя есть какое-то особенное предложение?

— Да, но для этого мне надо улететь из Москвы...

— Так это же идеально! — Вера слегка встряхнула мою руку. — Тебе нужно лететь! Слышишь? Исчезнуть! Дать ему почувствовать, что он может тебя потерять!

Я кивнула, стараясь не выдать охватившего меня озноба.

Глава 11

— Вер, а если я ошибаюсь? — мой голос сорвался, превратился в едва различимый шепот. — А если это правда его отец? Или... я не знаю... чья-то злая шутка? И если я сейчас улечу, оставив его одного в этот «кризис», то сама разрушу всё до основания? Разве жена не должна быть рядом...?

Вера резко покачала головой, картинно всплеснув руками. Наполовину готовая прическа качнулась, и пара шпилек с тихим звоном упала на паркет.

— «Рядом»? — её глаза сверкнули холодным, почти яростным блеском. — Руслана, очнись! Ты хочешь быть рядом с кем? С человеком, который врет тебе? Пока его любовница оставляет свои трусы в твоей спальне? Послушай меня внимательно, — Вера заговорила тихо, чеканя каждое слово. — Сейчас — самый важный момент. Если ты останешься и начнешь выяснять отношения, ты проиграешь. Ты станешь «истеричкой», «ревнивицей», «помехой». Ты дашь ему шанс выкрутиться, уничтожить улики и сделать виноватой тебя. Но если ты исчезнешь...

Она сделала паузу, и на её губах заиграла таинственная улыбка.

— Кстати, расскажи мне, что это за супер предложение, которое ты получила?

Я коротко рассказала ей всё, что знала сама и добавила:

— Я немного поискала информацию о нём в интернете... Он занимается нефтью, недвижимостью, инвестирует по всему миру. Ему около сорока, и он... — я запнулась, вспоминая то хищное, породистое лицо с экрана монитора, — очень хорош собой.

— Вот видишь! Этого Сафина тебя сам Бог послал! — уверенно заявила Вера. — Ты перестанешь быть жертвой. Ты станешь женщиной, с которой на короткой ноге миллиардер уровня Сафина! Пусть Павел поймет, что его уютный тыл — это не данность, а привилегия, которую можно потерять. И с твоей стороны это совсем не бегство. Это стратегическое отступление. Единственный способ сохранить лицо...

Я смотрела на неё и чувствовала, как её уверенность медленно перетекает в меня, подобно яду, который на время притупляет боль. Она была так убедительна, так логична... Её слова казались спасательным кругом в океане моего личного ада.

— Ты правда думаешь, что мне нужно согласиться?

— Я думаю, что Сафин — это твой козырь, — отрезала Вера. — Павел на его фоне — просто мелкая сошка. Да один только факт твоего общения с Сафиным заставит его корчиться от ревности. Лети, Руслана. Ради себя. Ради своей гордости.

Я медленно выдохнула.

— И всё-таки мне нужно подумать...

Я сделала глоток вина, чувствуя, как холодная жидкость на мгновение остужает пожар внутри. А Вера вскочила с дивана и начала мерить комнату шагами, возбужденно размахивая руками.

— Господи, Рус! Пока твой муженек покупает духи девицам в ЦУМе, тебя приглашает в Дубай человек, который может купить весь этот ЦУМ вместе с потрохами! Это же идеальный щелчок по носу.

Я смотрела на Веру и видела, как она буквально светится от этой идеи. Она уговаривала меня так страстно, так убедительно, словно её собственная жизнь зависела от моего отлета в Дубай. И я вдруг поймала себя на мысли, что её энтузиазм пугает меня.

Я тяжело вздохнула и откинулась на спинку дивана, чувствуя, как внутри всё выгорело дотла. Обсуждать собственную катастрофу больше не было сил — каждое слово о Павле и его возможном предательстве ощущалось как соль на открытую рану.

— Вер, давай больше не будем обо мне, — тихо произнесла я, пытаюсь сменить тему. — Расскажи лучше, как ты? По телефону ты сказала, что сомневаешься в... в своём решении насчёт свадьбы. Это правда?

Её лицо, до этого сияющее от возбуждения, вдруг неуловимо изменилось. Она скорчила гримасу — смесь легкого отвращения и скуки.

— Ой, Рус, ну что тут рассказывать... — она махнула рукой. — Ты же знаешь Диму. Он милый. Он надежный. Он будет приносить мне кофе в постель и забирать из аэропорта. Но...

Она замолчала, и в комнате повисла тяжелая, неуютная пауза.

— Но он недостаточно богат, — выплюнула она наконец. — Давай будем честными. Я всегда рассчитывала на кого-то более перспективного. Ты же видишь, как живут люди... Как живешь ты, в конце концов.

Я смотрела на неё, пораженная этой внезапной откровенностью. Вера всегда была амбициозной, но сегодня в её словах звучал настоящий цинизм.

— Но если ты так чувствуешь, зачем тогда всё это? — я обвела рукой комнату, заставленную атрибутами завтрашнего торжества. — Зачем выходить замуж за человека, который тебя не устраивает?

Вера горько усмехнулась и посмотрела на меня как на наивного ребенка.

— А какие варианты у меня ещё есть? Время же идет. Мне не двадцать и уже даже не тридцать. Всё ждала-ждала того самого, «принца на джете», а горизонт пуст. Ресурс красоты — он ведь не вечный, сама знаешь. Надо рожать, в конце концов.

Она сделала большой глоток вина и добавила, не глядя на меня:

— Не всем везет встретить Ветровых или Сафиных. Кому-то приходится довольствоваться Димами и делать вид, что это и есть счастье.

Я молчала, не зная, что ответить. В воздухе между нами снова поплыл аромат её духов. Тот самый запах роскошной жизни, о которой она так явно грезилась, стоя здесь, в этой квартире. А в её глазах мелькнуло что-то еще... Какая-то зависть, которую она не успела спрятать.

— Ладно, — Вера вдруг встряхнулась и снова нацепила маску «счастливой невесты». — Хватит обо мне. Главное, что у тебя есть шанс вырваться. Дамир — это совсем другая лига. Пообещай мне, что ты не упustiшь этот заказ из-за своих страданий по Пашке.

— Я уже пообещала, что подумаю...

Дверь в комнату открылась, и в комнату вернулись стилисты. Атмосфера секретности испарилась, сменившись привычной предсвадебной суетой. Я встала, поправила сумку на плече.

— Ладно, Вер. Тебе нужно закончить образ. А мне пора. Нужно проверить кое-что. Кое-какие детали...

— Какие детали? — Вера прищурилась. — Разве фотографии и чека тебе недостаточно?

— Фотографию можно подделать, а чек — подбросить, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Но есть вещи, которые не врут. Я собираюсь проверить камеры у себя дома.

— Камеры? — переспросила она растерянно.

— Да, — я слабо улыбнулась. — Пришло время посмотреть это кино.

Глава 12

Я ехала домой на автомате, почти не замечая улиц, по которым проезжала, и только одна мысль, глухо стучащая в висках, не давала мне окончательно провалиться в вязкую тревожность: камеры. Камеры всё покажут. Камеры не соврут.

Но готова ли я к тому, что именно на них увижу?

Дом встретил меня тишиной — Павла ещё не было, но я всё равно торопилась. Меня охватило лихорадочное нетерпение. Почти бегом я прошла в его кабинет. Мои пальцы дрожали, когда я опустилась в его тяжелое кресло и притянула к себе ноутбук. Система послушно пискнула, разворачивая на экране сетку из шестнадцати камер. Гостиная, кухня, сад, въездные ворота...

Я щёлкнула нужную дату и время.

Пусто.

Я попробовала другой промежуток. Потом ещё один. Потом весь день целиком.

Ничего.

В груди поднялась волна холода.

Я обновила страницу, перезагрузила систему, снова открыла архив, но так ничего и не нашла. Вместо потока кадров, на которых должна была запечатлеться машина Павла или силуэт женщины, всплыло системное окно: «Записей за указанный период не обнаружено».

В голове вдруг стало пугающе тихо. Осталась только одна, предельно ясная мысль, от которой холод расползлся уже не по груди, а по всему телу: кто-то очень не хочет, чтобы я увидела правду...

В этот момент внизу хлопнула входная дверь.

— Рус? Ты дома? — голос Павла прозвучал подозрительно бодро, с нарочитой интонацией «заботливого мужа». — Я видел твою машину в гараже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.